

УДК 81'42;81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/9

Интерпретация маркеров свободы в славянских языках и в дискурсе славянского правового документа

И.В. Тубалова¹, М.А. Наземцева²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: tina09@inbox.ru

² E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Авторское резюме

Цель данной статьи – выявить лингвокультурную специфику содержания лексических маркеров свободы в славянских языках (что фиксируется в дефинициях толковых словарей) и их дискурсивно обусловленной интерпретации в текстах славянских правовых документов, чтобы установить факторы формирования состава и принципов функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов. В качестве объекта анализа выступают лексические маркеры свободы, фиксируемые в славянских языках и в текстах Конституций как центральных правовых документов славянских государств. К анализу привлекаются языковые и дискурсивные значения лексических единиц «право», «свобода» и их смысловых и словообразовательных коррелятов как носителей дискурсообразующего для правовых текстов концепта «свобода». Лексическое содержание единиц «право» и «свобода», зафиксированное в словарях славянских языков, сопоставляется с их дискурсивно обусловленным содержанием. Результаты анализа показывают, что состав и функционирование лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов славянских лингвокультур определяются дискурсивно-жанровой спецификой этих текстов, национальной правовой культурой и особенностями языка. При этом дискурсивная обусловленность функционирования маркеров свободы играет ведущую роль. Прочие основания подчиняются ей и реализуются в соответствии с целью дискурса. Проведенный анализ вносит вклад в решение проблемы формирования институциональных дискурсов, а именно – их лингвокультурной и социально-культурной обусловленности.

Ключевые слова: лексические маркеры свободы, русский язык, белорусский язык, сербский язык, дискурс правового документа, Конституция.

Interpretation of the Markers of Freedom in Slavic Languages and in Slavic Legal Document Discourse

I.V. Tubalova¹, M.A. Nazemtseva²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Abstract

The aim of this article is to identify the linguocultural specificity of the content of lexical markers of freedom in Slavic languages (fixed in the dictionary definitions) as well as their discursive interpretation in Slavic legal texts to establish the factors of composition formation and functioning principles of the lexical markers of freedom as a discourse-forming semantic dominant of legal texts. The authors analyse the lexical markers of freedom in Slavic languages and in the texts of Constitutions as main legal documents of Slavic states. The analysis engages the linguistic and discursive meanings of lexical units 'pravo', 'svoboda' and their semantic and word-formative correlates as the mediums of the concept "freedom", which is discourse forming for legal texts. The lexical content of the units 'pravo' and 'svoboda', fixed in the dictionaries of Slavic languages, is compared with their discursively conditioned content. The results of the analysis show that the composition and functioning of the lexical markers of freedom as a discourse-forming semantic dominant of legal texts in Slavic linguocultures is determined by the discursive-genre specificity of legal texts, their national legal culture, and language features. In this respect, the discursive conditioning of the functioning of markers of freedom plays a leading role. Other grounds are subject to it and are realized in accordance with the purpose of the discourse. The analysis contributes to solving the problem of institutional discourse formation and, specifically, their linguocultural and socio-cultural conditioning.

Keywords: lexical markers of freedom, Russian language, Belarusian language, Serbian language, legal document discourse, Constitution.

Проблема национально-культурной обусловленности языкового и дискурсивного представления смысла ставится в целом ряде гуманитарных исследований (работы Е.М. Верещагина, Г.Д. Гачева, П.И. Гнатенко, И.М. Кобозевой, Г.М. Костомарова, Л.О. Кострюковой, В.В. Красных, П. Серю, Г.Г. Слышкина и др.). При этом если особенности его языковой интерпретации достаточно широко описаны, то проблема национально-культурной специфики дискурсивной интерпретации лингвокультурного содержания ставится в ограниченном круге исследований. Причем институциональные дискурсы (за исключением политического) в данном аспекте исследованы наиболее фрагментарно.

Цель статьи – выявить лингвокультурную специфику содержания лексических маркеров свободы в славянских языках (что фиксируется в дефинициях толковых словарей) и их дискурсивно обусловленной интерпретации в текстах славянских правовых документов, чтобы установить факторы формирования состава и принципов функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов.

К анализу привлечены материалы русского, белорусского и сербского языков. Все эти языки являются государственными, языками Конституций. Народы России и Белоруссии существуют в длительном культурном взаимодействии, сербская культура – при наличии общеславянского компонента – значительно отличается. При этом русский, белорусский и сербский языки являются славянскими, но относятся к двум разным генеалогическим подгруппам. Анализ материалов двух крайне близких и одной значительно отличающейся от них лингвокультуры позволяет проверить действие языковых, национально-культурных и дискурсивных факторов на состав и функционирование исследуемых единиц.

На первом этапе исследования на основании анализа словарных дефиниций была выявлена правовая составляющая лексического значения ядерных лексических маркеров свободы в рассматриваемых славянских языках; на основании их сопоставительного анализа была обнаружена лингвокультурная специфика языковой интерпретации свободы. Для этого были использованы толковые словари русского [12], белорусского [22; 26] и сербского [5; 18] языков, а также переводные словари [27]. Кроме того, для анализа национально-культурного правового содержания ядерных маркеров свободы к анализу были привлечены фиксирующие его специальные энциклопедические и лингвистические словари, а именно юридические энциклопедические словари [3; 6; 7] и переводные русско-белорусский [22] и русско-сербский [25] словари юридических терминов.

На втором этапе на материале лексических единиц было проанализировано дискурсивное содержание реализации концепта «свобода» в текстах Конституций России [11], Белоруссии [10] и Сербии [28] как государств, где проживают носители рассматриваемых языков.

Сопоставление языкового и дискурсивного значения лексем, формализующих данный концепт, с одной стороны, и его содержания, реализованного в каждой Конституции, – с другой, позволило выявить особенности дискурсивной реализации маркеров свободы, обусловленные собственно языковыми, национально-культурными и дискурсивными факторами.

Концепт «свобода» как компонент национальных языковых картин мира достаточно широко исследован. Конечно, наиболее подробно нам удалось познакомиться с результатами его исследования на материале русского языка [1; 2; 4; 7; 9; 14; 15; 17; 24; 31], но проанализированные нами отдельные работы, освещающие его содержание в белорусском [19–21] и сербском [8] языках, позволяют говорить о том, что, как и в русском языке, концепт, репрезентирующий отношение к свободе, существует во взаимодействии своих двух полюсов – свободы и несвободы.

Исследователи указывают на то, что свобода в русской лингвокультуре означает отсутствие ограничений, которое связывается с получением положительных эмоций и включает ощущения легкости, непринужденности, комфорта и счастья, возникающие при освобождении от ограничений какого бы то ни было рода [4; 24]. Такие признаки русского концепта «свобода» соответствуют его национально-культурному содержанию и обнаруживают крайнюю близость содержания этого концепта в других славянских языках [8; 19–21] и выраженную специфику в сравнении с неславянскими (что фиксируется в сопоставительных исследованиях, привлекающих к анализу языковой материал английской [1; 2; 4; 24], французской [1; 2] и американской [23; 32; 33] культур).

Таким образом, содержание концепта «свобода» в русской [1; 2; 4; 7; 14; 15; 24; 31], белорусской [19–21] и сербской [8] лингвокультурах исследователями выявлено. При этом в сопоставительном аспекте реализация данного концепта на материале русского, белорусского и сербского языков не проводилась. Кроме того, специфика его представления в институциональных дискурсах, за исключением политического, не рассматривалась.

Проанализируем и сопоставим словарные статьи толковых и переводных словарей славянских языков, описывающие значение лексем, выступающих в Конституциях как ядерные маркеры свободы – *свобода* и *право* (и их белорусские и сербские соответствия).

Ориентируясь на второй этап исследования, обратим особое внимание на те их значения, которые в наибольшей степени соответствуют реализуемым в Конституциях.

Рассмотрим значения лексем *свобода* / *свабода* / *слобода*. В словарных статьях филологических словарей славянских языков можно обнаружить, что среди ЛСВ лексемы *свобода* (и ее эквивалентов) отчетливо выделяются (1) значения, в которых определяются личностные аспекты свободы (рус.: «Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению» [12: 1161]; белорус.: «Увогуле – адсутнасць якіх-н. абмежаваняў у чым-н. Даць больш свабоды моладзі ў арганізацыі свайго адпычынку» [26: 487]; сербск.: «лична независност, самосталност која није ограничена никаквим обавезама» [18: 1216]), и (2) значения, в которых свобода осмысливается в социальных аспектах (рус.: «Отсутствие **политического и экономического** гнета, отсутствие стеснений, ограничений **в общественно-политической жизни общества**» [12: 1161]; белорус.: «Незалежнасць, адсутнасць абмежванняў, якія звязваюць грамадска-палітычнае жыццё і дзейнасць якога-н. класа, усяго грамадства або яго членаў» [26: 487]; сербск.: «Право човека да чини све што не угрожава права других, тј. **све што ни је забрањено законом**» [18: 1216]).

Значения, представляющие личностные аспекты свободы, в словарях трех языков приблизительно совпадают. Значения, представляющие свободу в социальных аспектах, находятся со значениями первого типа в отношениях уточнения. При этом характер уточнения оказывается разным для исследуемых языков. Если в русском и белорусском языках это уточнение в аспекте сферы реализации свободы и при этом указание на появление возможных ограничений отсутствует, то в сербском языке оно связано с четкой экспликацией границы свободы. Кроме того, только в толковом словаре сербского языка это значение сопровождается пометой «правн.», указывающей на сферу его употребления.

Рассмотрим значения лексем *право* / *права* / *право*. В отличие от лексемы *свобода*, лексема *право*, по данным словарей славянских языков, реализуется в большем количестве социально аспектированных значений. Именно значения такого типа фиксируются в словарных статьях первыми. Следовательно, в русском, белорусском и сербском языках значение лексемы *право* является более ориентированным на реализацию социальных аспектов, чем личностных. Кроме того, в одном из таких значений данная лексема во всех рассматриваемых языках прямо связывается с правовой сферой, что фиксируется в дефинициях толковых словарей и подтверждается иллюстративным материалом: рус. «**Предоставляемая законами государства свобода,**

возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л. *П. наций на самоопределение. Политические права граждан. П. собственности*» [12: 953]; белорус. «**Ахоўваемая дзяржавай, узаконеная** магчымасць, **свабода** што-н. рабіць, ажыццяўляць. *Правы і абавязкі грамадзян. П. на адукацыю. П. голасу*» [26: 589]; сербск. «Оно што припада појединцу **по одредбама објективних правних прописа: ауторско ~, станарско ~, ~ на рад, ~ на школовање**» [18: 980].

В словарях всех рассматриваемых языков фиксируется регулирующая роль закона по отношению к правам гражданина.

В словарях белорусского и русского языков правовое значение лексемы *право* дефинируется через значение *свобода*. Таким образом, внутренне задается дифференциация значений лексем *свобода* и *право*: *право* дефинируется как аспект ограничения свободы (т. е. закон предоставляет гражданину только определенные возможности). В словаре сербского языка такая корреляция не устанавливается, но подчеркивается законодательная фиксация принадлежности прав человеку, что выражено во всех рассматриваемых Конституциях. В словарях русского и белорусского языков дефиниция указание на принадлежность прав человеку не включает.

Таким образом, словари славянских языков фиксируют устойчивую корреляцию лексических значений лексем *свобода / свабода / слобода* и *право / права / право*. Для *свобода* первичными являются значения, представляющие личностные аспекты, а значения, оформляющие социальные аспекты свободы, формулируются на основе их уточнения, обнаруживая тесную связь с ними. Для лексемы *право* первичными являются значения, реализующие социальные аспекты права, в составе которых отдельно выявляются значения, ориентированные на правовую сферу. При этом эти значения в словарях русского и белорусского языков также формулируются на основе личностного значения лексемы *свобода*.

Для второго этапа анализа наиболее важно, что в славянских языках лексемы *право* и *свобода* в своих значениях, реализующих социальные аспекты, образуют единую систему, в которой значения, ориентированные на использование в правовом дискурсе, занимают особое место. При этом значения лексем *право* и *свобода* коррелируют, но дифференцируются.

То, что право – особый вид свободы (контролируемой законом), подтверждается данными специальных юридических словарей. Такое различие фиксируется разными способами во всех словарях (приведем в качестве примера цитату из русского словаря): «Категория свободы близка к понятию право в субъективном смысле, однако последнее предполагает наличие более или менее четкого

юридического механизма для реализации и обычно корреспондирующей обязанности государства или другого субъекта совершить какое-либо действие (напр., предоставить работу в случае права на труд). Напротив, юридическая с. не имеет четкого механизма реализации, ей корреспондирует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данную с. действий» [3: 215].

Рассмотрим состав и характер функционирования лексических маркеров свободы в текстах славянских Конституций. Конституция рассматривается нами как ядерный жанр правового дискурса в целом и дискурса правового документа как его письменной составляющей.

Правовой дискурс рассматривается исследователями как процесс социокоммуникативного взаимодействия, реализуемый в ситуации институционального общения, подчиненного интенции государственно-правового регулирования [29].

Дискурсообразующий статус концепта «свобода» констатирован исследователями философии права (напр., Н.Г. Храмцовой [29; 30]). Особенности дискурсивно обусловленной реализации данного концепта в Конституции России были описаны нами в [15; 16], где данное положение подтверждается результатами дискурс-анализа правовых текстов.

Лексические единицы, репрезентирующие данный концепт в соответствии с целью дискурса, приобретают в них особую правовую значимость. Лексическими репрезентантами свободы в Конституциях являются наряду с рассмотренными выше ядерными лексемами их словообразовательные и семантические корреляты.

Рассмотрим характер функционирования в исследуемых Конституциях ядерных лексем *свобода* и *право* (и их эквивалентов в других славянских языках), а также их **словообразовательных коррелятов** (характер функционирования семантических коррелятов будет проанализирован ниже).

Органично, что во всех обсуждаемых текстах эти лексемы последовательно реализуют исключительно правовое значение, что отражает единство дискурсивной специфики реализации концепта «свобода» в правовых дискурсах исследуемых культур.

Лексемы *свобода* / *свабода* / *слобода* и *право* / *права* / *право* используются при фиксации закрытого перечня разрешенных законом действий. Закрытый характер этого перечня в текстах рассматриваемых Конституций поддерживается грамматическими особенностями реализации лексемы *свобода* и ее белорусского и сербского эквивалентов во множественном числе (в неправовых сферах использования рассматриваемых языков лексемы *свобода* / *свабода* / *слобода* используются только в единственном числе, что отдельно фиксируется в словарях).

Кроме того, для текста Конституций всех трех государств характерны особые типовые конструкции с данными лексемами, где они выполняют функцию предиката, синтаксический актант которого фиксирует одно из гарантированных законом «разрешений»: *свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, свобода совести, свобода вероисповедания* (рус.); *свабода поглядаў, перакананняў, свабода сходаў, мітынгаў, вулічных шэсцяў, дэманстрацый і пікетавання* (белорус.); *слобода кретања и настањивања, слобода мисли, савести, уверења и вероисповести, слобода мишљења и изражавања* (сербск.); *право участвовать в отправлении правосудия, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право наследования* (рус.); *права на жыццё, права на абарону ад незаконнага ўмяшання ў яго асабістае жыццё, права валодаць, карыстацца і распараджацца маёмасцю* (белорус.); *право на слободан развој личности, право на личну слободу и безбедност, право да се слободно креће и настањује у Републици Србији* (сербск.).

Указанные грамматические особенности использования данных лексем отражают дискурсивные стратегии грамматической дифференциации общезыкового и дискурсивного значения (на наличие стратегий порождения высказывания, связанных с особенностями языка, обращает внимание А.А. Леонтьев [13]), и общность таких стратегий в русском, белорусском и сербском правовых дискурсах задается общими грамматическими особенностями славянских языков – наличием категории числа и принадлежностью лексемы *свобода* и ее эквивалентов к *singularia tantum*, а также ограниченностью их предикатных структур.

Для выявления специфики текстов рассматриваемых Конституций в аспекте концентрации в них отражения прав и свобод мы провели количественный анализ рассматриваемых лексем в исследуемых текстах и сопоставили его результаты. К подсчетам привлекались лексемы *право* и *свобода* и их эквиваленты, используемые в указанном правовом значении, а также их словообразовательные корреляты, фиксирующие модификацию этого значения: рус. *свободно* (*Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно*), *вправе* (*Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность*), белорус. *свабодны* (*Дзяржава адказная перад грамадзянінам за стварэнне ўмоў для свабоднага і годнага развіцця асобы*), *правовой* (*сродкі прававой абароны*), сербск. *слободно* (*слободно одлучи о закључењу и раскидању брака*) и т. п.

Количественный анализ показал, что во всех рассмотренных текстах лексема *право* реализуется значительно более частотно, чем лексема *свобода*, что косвенно соответствует большей значимости ее правового значения, описываемого в толковых словарях славянских языков, а также наличию государственной поддержки в реализации права, что фиксируется в специальных словарях. Кроме того, несмотря на разный объем текстов (Конституции России и Сербии – около 15 тыс. слов, Конституция Белоруссии – около 9,5 тыс.), лексема *свобода* / *свабода* / *слобода* и ее корреляты использованы в текстах приблизительно одинаковое количество раз (38 раз в Конституции России, 37 – в Конституции Белоруссии, 39 – в Конституции Сербии). При этом количество использований лексемы *право* в тексте сербской Конституции (209 раз) значительно превышает количество соответствующих лексем в Конституциях России и Белоруссии (107 и 103 раза соответственно). Это может свидетельствовать об особенностях правовой культуры, которые определяют более подробную прописанность регулируемых законом и сопровождающихся четким юридическим механизмом для реализации [3: 215] разрешенных действий.

Итак, ядерные лексические репрезентанты свободы в дискурсе Конституций трех государств последовательно реализуют особое – правовое – значение соответствующих единиц языка и маркируют состав закрытого перечня возможностей гражданина. Закрытый характер этого перечня поддерживается грамматической стратегией рассматриваемых языков.

Но кроме рассмотренных ядерных лексем и их словообразовательных коррелятов, семантику свободы и несвободы – как ее обратной составляющей – в рассматриваемых Конституциях реализуют их **семантические корреляты**.

К ним относятся предикатные лексемы, семантика которых – с учетом дискурсообразующего статуса концепта «свобода» в его правовой реализации – отражает регулируемую роль закона в предписывании возможных / невозможных моделей поведения гражданина (условия его «свободы» и «несвободы»). Эти лексемы в рассматриваемых славянских языках не имеют правового значения, но получают его в дискурсивном контексте.

В качестве дискурсивных маркеров свободы выступают (1) лексемы, диктумное содержание которых прямо отражает возможность гражданина действовать в рамках закона (рус. *возможность*, *мочь*, белорус. *магчымасць*, *дапускацца*, *вызвальца*, сербск. *могућност*, *дозвољено*, *ослобођен*, *може* и др.); (2) лексемы, диктумное содержание которых наряду с отражением возможностей гражданина включает дополнительный уточняющий компонент, фиксирующий способ

реализации прав и свобод, например, характеризующий обеспеченный законом доступ к социальным благам (рус. *общедоступность (образования)*, *бесплатность (образования)*, белорус. *даступнасць і бясплатнасць (адукацыі)* и др.).

Дискурсивные маркеры несвободы в славянских Конституциях организованы более сложно.

Во-первых, как и в составе маркеров свободы, в их составе выделяются (1) лексемы, диктум которых прямо отражает ограничение возможностей гражданина (рус. *запрещено*, белорус. *забараняецца*, сербск. *није дозвољено* и др.), и (2) лексемы, включающие дополнительный диктумный компонент (рус. *арест*, белорус. *затрыманьня*, сербск. *притвор* и др.).

Во-вторых, еще один аспект дифференциации лексических маркеров несвободы в славянских Конституциях отражает их дискурсивную специфику, направленную на выражение юридических норм.

Н.С. Храмцова с точки зрения философии права определяет их как «регуляторы, программирующие модели поведения, описанные в нормах запрещающих, обязывающих и управомочивающих» [30: 20]. Указанным правовым способам программирования моделей поведения соответствуют варианты конкретизации семантики свободы / несвободы в лексических единицах исследуемых славянских языков.

Общекультурный русский, белорусский и сербский концепт «свобода» является бинарным и проявляется в вариантах «свобода» (как отсутствие ограничений) и «несвобода» (как наличие каких-либо ограничений). Это подтверждается исследователями рассматриваемого концепта на материале русского, белорусского и сербского языков [4; 8; 19–21; 24].

Дискурсивная специфика реализации концепта «свобода» (в сравнении с его общекультурной реализацией, результаты выявления которой отражают приведенные выше исследования), проявленная в текстах рассматриваемых Конституций, заключается не только в том, что свобода ограничивается перечнем разрешенных законом моделей поведения гражданина. Эта специфика проявляется еще и в том, что «несвобода» – как обратная сторона свободы – распадается на два компонента: «несвободу запрета» и «несвободу долженствования».

В соответствии с этим среди лексем, маркирующих в славянских Конституциях «несвободу», выделяются лексемы (1) с семантикой долженствования (рус. *обязан, должен*, белорус. *абавязан, неабходнасць, павінен*, сербск. *мора(се), дужан, обавезан* и др.) и (2) с семантикой запрета (рус. *невозможность, не допускается*, белорус. *немагчымасць, не можа*, сербск. *не можа, није дозвољено* и др.).

Таким образом, в славянских правовых дискурсах лексические маркеры свободы отражают трехчленную структуру концепта свобода – (1) свобода – (2) несвобода: (2.1) обязанность и (2.2) запрет. Правовой дискурс рассматриваемых славянских культур адаптирует общекультурное содержание концепта «свобода» единым образом.

Каждая лексема, реализующая семантику допущения / запрета / долженствования, в силу ее предикатного статуса образует высказывание, описывающее соответствующую этой семантике правовую норму: разрешение (*Каждый **имеет право** свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом* (рус.); *Грамадзяне Рэспублікі Беларусь **маюць права** свабодна перамяшчацца і выбіраць месца жыхарства ў межах Рэспублікі Беларусь, пакідаць яе і бесперашкодна вяртацца назад* (белорус.); *Свако **је слободан** да испољава своју веру или убеђење вероисповедања, обављањем верских обреда, похађањем верске службе или наставе, појединачно или у заједници с другима, као и да приватно или јавно изнесе своја верска уверења* (сербск.)), запрет (*Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия **не допускаются*** (рус.); *Ніхто **не можа** карыстацца перавагами і прывілеямі, якія супярэчаць закону* (белорус.); *Забрањени су акти који ма се, супротно закону, ограничава слободна конкуренција, стварањем или злоупотребом монополског или доминантног положаја* (сербск.)) и долженствование (*Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, **должны** заботиться о нетрудоспособных родителях* (рус.); *Кожны **абавязаны** паважаць годнасць, правы, свабоды, законныя інтарэсы іншых асоб* (белорус.); *Према лицу лишеном слободы **мора се** поступати човечно и с уважавањем достојанства његове личности* (сербск.)).

С целью выявить проявления специфики национальной правовой культуры, реализованные в исследуемых текстах, был проведен количественный анализ этих высказываний в текстах исследуемых Конституций, в результате которого были установлены доли таких высказываний в каждом из рассматриваемых текстов (см. табл.).

Соотношение разрешительных, запретительных высказываний и высказываний долженствования в текстах Конституций России, Белоруссии и Сербии, %

Высказывание	Конституция России	Конституция Белоруссии	Конституция Сербии
Разрешение	70	77	72
Запрет	20	14	16
Долженствование	10	9	12

Количественные подсчеты показали, что высказывания указанных типов распределяются в рассмотренных текстах приблизительно одинаково: специфика правовых культур на этом материале не обнаруживается. Разрешительный аспект во всех Конституциях выражено превалирует, запретительный аспект по количеству реализующих его единиц значительно отстает, а аспект долженствования представлен крайне ограниченное количество раз.

На основании данных подсчетов можно сделать вывод о том, что определяющим в распределении аспектов свободы в рассмотренных текстах является дискурсивно-жанровая специфика Конституции. Конституция в первую очередь направлена на презентацию прав и свобод человека. Текст ее дискурсивно ориентирован на широкий круг граждан. Исследователи философии права указывают на то, что в его основании большую роль играет этический аспект, и именно в Конституции как особом типе правового документа он проявляется наиболее выпукло и получает текстовую поддержку в соотношении случаев лексической фиксации разрешений, запретов и долженствований.

Таким образом, заданная в славянских языках локализация правового значения базовых маркеров свободы в дискурсе правового документа активизируется.

Сходство состава и принципов функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов славянских лингвокультур определяется единством дискурсивно-жанровой специфики текстов Конституции и общими особенностями славянских языков. Специфика правовых культур на данном материале проявляется крайне слабо.

При этом следует отметить, что дискурсивная обусловленность функционирования маркеров свободы в текстах славянских Конституций играет ведущую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ардашева Т.Г.* Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 21 с.

2. *Ардашева Т.Г., Мерзлякова А.Х.* Вербализация концепта свобода в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 2. С. 13–18.

3. *Борисов А.Б.* Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.

4. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

5. Вујанић М. и др. Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска (Нови Сад: Будућност), 2011. 1561 с.
6. Довнар Т.И. Юридычны энцыклапедычны слоўнік. Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. 295 с.
7. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. и др. Большой юридический словарь. М.: Инфра, 2001. 790 с.
8. Драгићевић Р. Концепт слобода у српском језику и култури. О вредности у српском језику // Зборник етнолингвистичких радова, уводна реч. Београд: Алма, 2015. С. 53–73.
9. Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 161–167.
10. Канстытуцыя рэспублікі Беларусь 1994 г. (са змяненнямі і дапаўненнямі). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 15.11.2020).
12. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
14. Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода–воля–вольность в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.
15. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в кодексе как ядерном жанре правового дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 37–48. DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-37-48
16. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в конституции как ядерном жанре дискурса правового документа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 28–38. DOI: 10.17223/15617793/452/3
17. Петровых Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 207–217.
18. Речник сербскохорватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, 1990. Књига 4. 1013 с.
19. Руденко Е.Н. и др. Концепт «свобода» в языковой картине мира белорусов: развитие и функционирование // Этнолингвистика. Проблемы языка и культуры. Люблин: Университет Марии Кюри-Склодовской. 2011. Т. 23, № 23. С. 177–194.
20. Руденко Е.Н. Когнитивная дефиниция концепта свобода (по данным белорусского языка) // Этнолингвистика. Проблемы языка и культуры. 2013. Т. 25, № 25. С. 143–159.

21. Руденко Е.Н. Свобода в языковой картине мира белорусов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 25, № 11. С. 441–452.
22. Руска-беларускі слоўнік юрыдычных тэрмінаў. URL: <https://sdo.institutemvd.by/mod/glossary/view.php?id=12075&mode=author&hook=%25D0%259C&sortkey=LASTNAME&sortorder=asc&fullsearch=0&page=13> (дата обращения: 15.11.2020).
23. Сердюк Е.Н. Некоторые характеристики концепта свобода в американской лингвокультуре // Культура народов Причерноморья. 2008. № 138. С. 198–200.
24. Солохина А.С. Свобода // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 222–246.
25. Стаменковић П. Речник руско-српских правних термина. Београд: Савремена администрација, 1996. 303 с.
26. Судник М.Р., Кривко М.Н. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск: БелЭн, 2002. 784 с.
27. Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. 736 с.
28. Устав Републике Србије. Службени гласник РС 2006 года. URL: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/ustav/2006/98/1/reg> (дата обращения: 15.11.2020).
29. Храпцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган: КГУ, 2012. 180 с.
30. Храпцова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 396 с.
31. Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 193 с.
32. Щепотина Е.В. Исследование концептов freedom, law, свобода, закон в английской и русской лингвокультурах // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. трудов. Воронеж, 2006. № 4. С. 51–58.
33. Щепотина Е.В. Вербализация мифологем crime, punishment, freedom, justice, law в американской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 25 с.

REFERENCES

1. Ardasheva, T.G. (2012) *Lingvokognitivnyy analiz kontsepta "svoboda" (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Linguocognitive Analysis of the Concept "Freedom" (Based on Russian, English and French)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
2. Ardasheva, T.G. & Merzlyakova, A.Kh. (2011) Verbalizatsiya kontsepta svoboda v yuridicheskikh tekstakh [Verbalization of the Concept "Freedom" in Legal Texts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2. pp. 13–18 (In Russian).

3. Borisov, A.B. (2010) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [A Large Law Dictionary]. Moscow: Knizhnyy mir.
4. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through Their Key Words]. Translated from English by A. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
5. Vujanić, M. et al. (2011) *Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica srpska.
6. Dovnar, T.I. (2013) *Yurydychny entsyklapedychny složnyk* [Legal Encyclopedic Dictionary]. Minsk: BSU.
7. Dodonov, V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. et al. (2001) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Big Legal Dictionary]. Moscow: Infra.
8. Dragičević, R. (2015) Koncept sloboda u srpskom jeziku i kulturi. O vrednostima u srpskom jeziku. In: *Zbornik etnolingvističkih radova, uvodna reč*. Beograd: Alma. pp. 53–73.
9. Egorova, O.S. & Kirillova, O.A. (2012) "Freedom" and "will" as key concepts of Russian culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 161–167 (in Russian).
10. Belarus. (1994) *Kanstyuttsyya respubliki Belarus' 1994 g. (sa zmyanennyami i dapažnennyami)* [The Constitution of the Republic of Belarus (as amended and supplemented)]. [Online] Available from: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyuttsyinae-prava-belarusi/kanstyuttsyi-belarusi/kanstyuttsyya-1994-goda/> (Accessed: 15th November 2020).
11. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda* [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with the Amendments Approved During the Nationwide Vote on July 1, 2020]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (Accessed: 15th November 2020).
12. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
13. Leontiev, A.A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl.
14. Lisitsyn, A.G. (1996) *Analiz kontsepta svoboda–volya–vol'nost' v russkom yazyke* [The analysis of the concept 'freedom–will–liberty' in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
15. Nazemtseva, M.A. (2020) Specifics of interpretation of freedom in the Code as a nuclear genre of legal document discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(208). pp. 37–48 (in Russian). DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-37-48
16. Nazemtseva, M.A. (2020) Specifics of interpretation of freedom in the Constitution as a nuclear genre of legal document discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univeristeta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 28–38 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/452/3

17. Petrovykh, N.M. (2002) Kontsepty volya i svoboda v russkom yazykovom soznanii [The Concepts of Will and Freedom in Russian Linguistic Consciousness]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 24. pp. 207–217.

18. Ludevit, J. et al. (eds) (1990) *Rečnik serbskohorvatskoga književnog jezika*. Vol. 4. Novi Sad: Matica srpska.

19. Rudenko, E.N. (2011) Kontsept “svoboda” v yazykovoy kartine mira belorusov: razvitie i funkcionirovanie [Concept “Freedom” in the linguistic worldview of Belarusians: development and functioning]. *Etnolingvistika. Problemy yazyka i kul'tury*. 23(23). pp. 177–194.

20. Rudenko, E.N. (2013) Kognitivnaya definitsiya kontsepta svoboda (po dannym belorusskogo yazyka) [Cognitive definition of the concept freedom (using the Belarusian language)]. *Etnolingvistika. Problemy yazyka i kul'tury*. 25(25). pp. 143–159.

21. Rudenko, E.N. (2016) Freedom in the linguistic worldview of the Belarusians. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*. 25(11). pp. 441–452 (in Russian).

22. Sdo.institutemvd.by. (n.d.) *Ruska-belaruski slovník yurydychnykh terminov* [Russian-Belarusian Dictionary of Legal Terms]. [Online] Available from: <https://sdo.institutemvd.by/mod/glossary/view.php?id=12075&mode=author&hook=%25D0%259C&sortkey=LASTNAME&sortorder=asc&fullsearch=0&page=13> (Accessed: 15th November 2020).

23. Serdyuk, E.N. (2008) Nekotorye kharakteristiki kontsepta svoboda v amerikanskoj lingvokul'ture [Some characteristics of the concept ‘freedom’ in American linguoculture]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 138. pp. 198–100.

24. Solokhina, A.S. (2005) Svoboda [Freedom]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigm. pp. 222–246.

25. Stamenković, P. (1996) *Rečnik rusko-srpskih pravnih termina*. Belgrade: Savremena administracija.

26. Sudnik, M.R. & Krivko, M.N. (2002) *Tlumachal'ny slovník belaruskay litaraturnay movy* [The Explanatory Dictionary of Belarusian Literary Language]. Minsk: BelEn.

27. Tolstoy, I.I. (2000) *Serbskohorvatsko-russkiy slovar'* [Serbo-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

28. Serbia. (2006) Ustav Republike Srbije. *Službeni glasnik RS*. 98. [Online] Available from: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgr/skupstina/ustav/2006/98/1/reg/> (Accessed: 15th November 2020).

29. Khramtsova, N.G. (2012) *Diskurs-pravovoy analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-Legal Analysis: From Theory to Application]. Kurgan: Kurgan State University.

30. Khramtsova, N.G. (2010) *Teoriya pravovogo diskursa: bazovye idei, problemy, zakonomernosti* [The Theory of Legal Discourse: Basic Ideas, Problems, Consistent Patterns]. Kurgan: Kurgan State University.

31. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funkcionirovanie i razvitie kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale khudozhestvennykh*

tekstov) [Functioning and development of the concepts freedom, power and challenge in the Russian language worldview (based on literary texts)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

32. Shchepotina, E.V. (2006a) *Issledovanie kontseptov freedom, law, svoboda, zakon v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [research of the concepts 'freedom', 'law', 'svoboda', 'zakon' in English and Russian linguocultures]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 4. pp. 51–58.

33. Shchepotina, E.V. (2006b) *Verbalizatsiya mifologem crime, punishment, freedom, justice, law v amerikanskoj lingvokul'ture* [Verbalization of mythologems 'crime', 'punishment', 'freedom', 'justice', 'law' in American linguoculture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inna V. Tubalova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Наземцева Мария Андреевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Mariia A. Nazemtseva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: mnazemtseva@gmail.com